

А. П. МОГИЛЯНСКИЙ

«ОЛЬГА», ТРАГЕДИЯ Я. Б. КНЯЖНИНА

I

Литературная репутация Княжнина в XVIII веке была основана на трагедиях «Дидона» (1769) и «Рослав» (1784). Именно этими произведениями он «воздвиг Парнасс» в екатерининской России, как говорится в известном четверостишии к его портрету. В 1770—1790-х годах Княжнин — ведущая фигура русской трагической драматургии. С появлением произведений В. А. Озерова, отодвинувших трагедии Княжнина на второй план, были сделаны попытки переосмыслить его деятельность, охарактеризовав его как драматурга-комика.¹ Но полемика романтиков двадцатых годов XIX века с классиками и особенно статьи Белинского делают репутацию Княжнина уже величиной отрицательной.

Было бы бесполезно искать объяснений литературной судьбы Княжнина в особенностях его творчества или недостаточности художественного дарования. Никакой особой литературной судьбы у Княжнина не было, так как он полностью разделил судьбу всего русского классицизма XVIII века, вернее — русской классической трагедии от Сумарокова до Озерова.

Интерес, проявлявшийся к трагедии Княжнина «Вадим Новгородский» (сожжена в 1783 году, впервые переиздана в 1871 году), имеет характер преимущественно идейно-политический. Работы, посвященные Княжнину, стремились дать то или иное истолкование трагедии и постигшей ее кары, мало заботясь об освещении творчества драматурга в целом. Другими словами, интерес к опальной трагедии ни в какой мере не знаменует изменения отношения исследователей к Княжнину и русской классической трагедии вообще. Последняя была как бы вычеркнута из списка тех эстетических ценностей, которые способны стимулировать дальнейшее развитие искусства слова. Невнимание к трагедии Княжнина «Ольга», известие о которой появилось в печати еще в 1886 году,² является в этом отношении показательным.

¹ Анонимный рецензент «Сына Отечества» по поводу третьего издания сочинений «знаменитого нашего комика» писал: «Трагедии его „Дидона“, „Рослав“, также и „Владисав“, конечно, имеют свое достоинство: но самые лучшие его произведения бесспорно суть комедии: „Хвастун“ и „Чудаки“» («Сын Отечества», 1817, ч. 38, № 23, «Современная русская библиография», стр. 142). См. также рецензию С. Н. Глинки в «Русском вестнике» (1819, № 5, стр. 39—40).

² Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1883—1885 г. М., 1886, стр. 33.

II

«Ольга» дошла до нас в единственной рукописи, представляющей собой четкую писарскую копию конца XVIII века.³ Автором в рукописи назван Яков Княжнин. Но ввиду того, что иных известий о трагедии не имеется, может возникнуть законный вопрос об авторстве Княжнина. Вопрос этот благодаря наличию в его стиле ряда устойчивых индивидуальных особенностей разрешается положительно. Иначе говоря, «Ольга», несомненно, принадлежит перу Княжнина, причем сохранность ее текста вполне удовлетворительна.

Больше затруднений представляет второй важнейший вопрос — о хронологическом приурочении этой безвестной трагедии.

В работе первой исследовательницы «Ольги» — М. О. Габель — проблема датировки трагедии, равно как и источников ее, не ставится. Однако одно высказывание Габель позволяет заключить, что она мыслит «Ольгу» последней трагедией Княжнина (т. е. написанной около 1790 года).⁴ Эта датировка, как будет видно ниже, никаких оснований не имеет.

«Ольга» — не оригинальное произведение Княжнина, она представляет собою переделку, «переложение на русские нравы» трагедии Вольтера «Мёроре» (1743). При этом драматургом был использован не оригинальный текст, что особенно существенно, а русский стихотворный перевод В. И. Майкова, изданный в Москве в 1775 году. Эта дата — *terminus post quem* создания «Ольги».

На данной ступени исследования некоторую помощь нам может оказать анализ стиля трагедий Княжнина. Рассмотрим, например, одну из любопытных закономерностей развития этого стиля — постепенное вытеснение двуглагольных рифм (типа: угасает — умирает) рифмами одноглагольными (принадлежит — стыд). Иллюстрируется эта закономерность следующими цифрами: «Дидона» — 318 : 42; «Владимир и Ярополк» — 317 : 69; «Рослав» — 276 : 75; «Владисан» — 227 : 78; «Софонисба» — 206 : 75.⁵ В «Ольге» мы имеем такое же соотношение между одноглагольными и дву-

³ Вся рукопись представляет собою переплетенный сборник пьес в лист. Сборник содержит текст пяти пьес («Ольга», 2 комедии Фонвизина и Эмина и 2 трагедии Вольтера в переводе Фонвизина и Дубровского). Писана рукопись разными писарскими почерками (в пределах «Ольги» — почерк один). «Ольга» помещена в рукописи на первом месте (лл. 2—37). Хранится рукопись в Рукописном отделении Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина под шифром 2968.

⁴ «Княжнин стремился отойти от сюжетов, взятых из античной истории, обращаясь к русской и пытаясь выйти за пределы „исторического баснословия“ по Татищеву, образцы которого он дал и в „Рославе“, и в „Владисане“. Место действия последнего — мифический Славянск, а действующие лица измышлены, отнюдь не историчны. Но он шагнул затем дальше других, от Хорева, Синава и Трувора через Вадима и Рурика, добравшись даже до Ольги, киевлян и древлян, до лесов и пустыни, в которых скрывается Святослав» (М. Габель. «Литературное наследство Я. Б. Княжнина». «Литературное наследство», т. 9—10, 1933, стр. 368). Статья Габель посвящена доказательству ошибочного положения об оппозиционно-аристократическом характере идеологии Княжнина. В основном правильно полемизировал с Габель Н. К. Гудзий в статье «Об идеологии Я. Б. Княжнина» («Литературное наследство», т. 19—21, 1935, стр. 659—664).

⁵ В последней трагедии Княжнина, «Вадиме Новгородском» (1789), наблюдается некоторый рецидив двуглагольности (235 : 60).

глагольными рифмами, как и в трагедии «Рослав». Ряд других показателей свидетельствует о том, что «Ольга» была написана ранее «Рослава». Так, например, архаическая форма инфинитива в двуглагольных рифмах встречается только в первых двух актах «Рослава» и в дальнейшем совершенно исчезает из трагедий Княжнина. Между тем, в «Ольге» мы находим эту форму в шести случаях (в «Дидоне» — 9).

Приурочение «Ольги» к периоду 1776—1783 годов вызывает вопрос: почему она не была обнародована тогда же? В цитированной выше статье М. О. Габель полагает, что публикации «Ольги» препятствовало то, что Ольга читалась церковью как святая.⁶ Неосновательность этого заключения видна хотя бы из того, что тогда же, в 1779 году, была издана трагедия Ф. П. Ключарева «Владимир Великий». Одной из причин появления в свет «Ольги» было, несомненно, опубликование в 1778 году трагедии Ф. Я. Козельского «Велесана», представляющей собою оригинальную попытку воссоздания образа исторической Ольги.⁷ Дата публикации «Велесаны» и дает нам *terminus ante quem* создания «Ольги». О других причинах будет сказано ниже.

III

Уже к 20-м годам XIX века почти всеми было признано, что Княжнин — драматург, охотнее других пользовавшийся готовыми образцами, преимущественно западными — французскими и итальянскими. Особенно категоричен отзыв А. Ф. Мерзлякова, канонизованный Гречем в его «Опыте краткой истории русской литературы». «Он подражал всем французским трагикам вместе, или лучше, переводил из них. — Это не Сумароков! Почти ни один план, ни один характер, ни один монолог не принадлежит ему».⁸ Позднейшие исследователи несколько смягчили этот приговор. Ю. А. Веселовский, например, считал, что «Княжнин никогда не заимствовал рабски, чуть не дословно».⁹ А М. О. Габель даже полагает, что для Княжнина уж не столь характерна «перенимчивость», подражательность, упорное следование за иностранными образцами, присвоение отдельных сцен, ситуаций, монологов популярных французских трагедий, о чем неоднократно писалось.¹⁰ Особое значение в этом отношении придает Габель «Ольге», которая якобы «намечает также некоторые новые пути в преодолении устойчивых штампов трагедии».¹¹

Сопоставление «Ольги» с майковским переводом «Меропы» Вольгера приводит, вопреки приведенным мнениям Веселовского и Габель, к малоутешительным для Княжнина выводам. Шаг за шагом следуя за Майковым, Княжнин в то же время не отказывается и от дословных заимствований. Таким образом, Княжнин без каких-либо перемен перенес в свою трагедию

⁶ М. Габель, ук. соч., стр. 368.

⁷ Федор Козельский, Сочинения, т. II, издание второе, исправленное и умноженное. СПб., 1778.

⁸ Н. И. Греч. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822, стр. 206. Далее Мерзляков восклицает: «Вот что значит подлинно переключать на русские нравы!».

⁹ Юрий Веселовский. «Литературные очерки», т. I. Изд. 2-е, М., 1910. Статья «Идейный драматург екатерининской эпохи: Княжнин и его трагедии», стр. 344.

¹⁰ М. Габель, ук. соч., стр. 367—368.

¹¹ Там же, стр. 367.

свыше семидесяти стихов, написанных Майковым.¹² Это составляет 4,3% текста «Ольги». Если же принять во внимание стихи более или менее видоизмененные (часто только в связи с необходимостью замены имен) и то обстоятельство, что построение трагедии заимствовано почти полностью (даже изменение порядка реплик незначительно) — «Ольгу» придется квалифицировать не как подражание,¹³ а как переделку, носящую на себе все следы литературного плагиата.

Приведу несколько примеров, отмечая курсивом заимствования Княжнина из перевода Майкова (в скобках — счет стихов «Меропы»).

Во втором акте Ольга (Меропа) говорит Мирведу (Эвриклею):

- 59 (57) *Пускай вселенна вся, пусть небо в том согласно,*
 60 (58) *Не мыслит Ольга так, и будет то напрасно,*
 61 (59) *Мой сын, поверь мне в том, мой сын любезный сам*
 62 (60) *Конечно предпочтет скитаться по лесам,*
 63 (61) *Как средством подлости достигнути ко трону.*

В третьем акте Всевеста (Исмена) говорит воспитателю Святослава — Володу (Нарбасу):

- 56 (60) *Убийца злобнейший его в пуги поправ*
 57 (61) *С него оружия снял, се мечь его близь гроба,*
 58 (62) *Пронзенна будет чем убийцова утроба;*
 59 (63) *В сей самый Ольга час, несчастнейшая мать,*
 60 (64) *Пред гробом своего супруга хочет стать,*
 61 (65) *И в услаждение своей несносной муки,*
 62 (66) *В крови злодейския свои багрить руки.*

Волод ей отвечает:

- 63 (67) *Так сын ея погиб и Святослава нет.*

В приведенных отрывках больше всего обращает на себя внимание тот факт, что порядок стихов Майкова остается неизменным, причем положение стихов в акте почти тождественно (расхождение на 2—4 стиха). При этом какому-либо изменению подвергаются часто менее значимые элементы стиха. Так, например, вместо стихов Майкова (III, 109—110):

О варвар! сколько ты притворствовать умеешь,
 Отъемля жизнь мою, и сам о мне жалеешь, —

¹² Следует отметить, что перевод Майкова, как это указано на титульном листе его издания, выполнен не с оригинала, а при помощи русского прозаического перевода. В связи с этим, сохраняя смысловую близость к подлиннику, Майков часто отклонялся от объема оригинала. Так, например, слова Меропы

On ose me donner au tyran qui me brave;
 On a trahi le fils, on fait la mère esclave!

Майков изложил следующим образом:

Дерзают и меня сему тирану дать,
 Который мной по том намерен обладать.
 Сражаю ах тебя мой сын бесчеловечно!
 И делают меня невольницею вечно.

Ср. «Меропа», акт II, сцена 4 (у Майкова — 3).

¹³ Н. К. Гудзий, ук. соч., стр. 663.

Княжнин (III, 113—114) пишет:

Жестокой! ах! как он притворствовать умеет,
Отъемлет жизнь мою и обо мне жалеет.

Совершенно очевидно, что ни в одном из известных нам драматических произведений Княжнина нельзя найти следов подобного недобросовестного отношения к литературной работе. Относящиеся к 1770-м годам факты биографии Княжнина наилучшим образом объясняют нам причину его литературного грехопадения. С 1773 по 1777 года Княжнин, как известно, состоял под судом (с разжалованием в солдаты) за растрату казенных сумм. Для драматурга эти годы, в связи с его материальными затруднениями, были одновременно годами напряженной литературной работы. На эти и следующие за ними два года падает большая часть выполненных Княжниним переводов. В 1777 году был издан перевод «Генриады» Вольтера, в 1778—идиллии Геснера, в 1779 — первый том трагедий Корнеля («Смерть Помпеева», «Цинна» и «Сид»). Все эти работы и при жизни драматурга пользовались наименьшей популярностью. «Они не стоят ни подлинников своих, ни славы переводившего», — писал митрополит Евгений Болховитинов, отметивший также причину этого: «Нужды по большей части заставляли его поспешно и не очень внимательно обрабатывать свои творения».¹⁴

IV

Тематические различия между «Меропой» и «Ольгой» сводятся к некоторому изменению образов тирана (Полифонт — Мал) и его жертвы (Меропа — Ольга). Вольтеровский Полифонт — изменивший раб, княжнинский Мал — исконный враг, отмстивший за все свои предшествовавшие поражения. Это — единственная черта, заимствованная Княжниним из исторических источников. В связи с сказанным Меропа только в середине третьего акта узнает, что Полифонт — убийца ее мужа, в то время как Ольге преступление Мала было известно в течение 15 лет до исходного момента трагедии. Полифонт только во втором акте захватывает престол, тогда как Мал совершил это уже давно, и т. д. К существеннейшим различиям относится также изменение архитектоники пятого акта (у Вольтера убийство тирана происходит за сценой). Вообще первый и пятый акты «Ольги» написаны намного самостоятельнее центральных актов. В них, в частности, нет ни одного целиком заимствованного у Майкова стиха.

Немногочисленность изменений, произведенных Княжниним при передаче майковской «Меропы» в «Ольгу», объясняется не только хищническим отношением к труду Майкова, но и полнейшим игнорированием исторических данных. Позднее, создавая «Вадима Новгородского», Княжнин был волен творить что угодно, так как нет исторического образа Вадима, а есть только краткое упоминание о его гибели. Но исключительно яркий летописный образ хитрой и мстительной Ольги ни в какой мере не позволял Княжнину превращать страдающую Меропу в еще более жалкое и безличное существо, ни одной своей чертой не напоминающее присвоенное ему историческое имя.

Упомянутая выше «Велесана» Федора Козельского также не свободна от влияния той же «Меропы» Вольтера. Но влияние это полностью подчи-

¹⁴ Евгений <Болховитинов>. Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. I. М., 1845, стр. 289. См. также работу Ю. А. Веселовского: «Я. Б. Княжнин (жизнь и творчество)». М., <1917>, стр. 22—25.

нено самостоятельной драматической концепции, основанной на историческом материале. Из имеющихся в «Повести временных лет» четырех эпизодов мести Ольги древлянам Козельский избрал третий, т. е. рассказ о коварном согласии Ольги выйти замуж за Мала и устроенном ею празднике, во время которого оставшиеся трезвыми киевляне убивают 5000 опьяневших древлян. К чести давно забытого Козельского нужно признать, что в его трагедии много достоинств, позволяющих включить ее в немногочисленный ряд удачных произведений русской Мельпомены XVIII века. Этот относительный успех Козельского, давшего живой и в основном исторически верный образ Ольги-мстительницы, делал, по существу, невозможной прижизненную публикацию трагедии Княжнина без радикальной переработки ее.

Однако на этом история «Ольги» не заканчивается. В середине 1780-х годов Княжнин использует ее для создания трагедии «Владисан» (опубликована в 1786 году), представляющей собою, правда, совершенно новое произведение. Игорю здесь соответствует Владисан, Ольга — Пламира, Малу — Витозар, Святославу — Велькар, Володу — Вамир, Зловреду — Избар,¹⁵ Всевесте — Зенида (Мирвед соответствия не имеет). Моменты драматического действия находят меньшее число соответствий. Более яркие из них: 1) «Владисан», III, 5. Пламира, как и Ольга (IV, 2), защищает сына от Витозара; 2) IV, 3 (начало). Пламира, как и Ольга (V, 1), принимает решение взять клятву с Витозара о сохранении сына и вслед за этим — умертвить себя; 3) IV, 3. Вамир, как и Волод в «Ольге» (III, 4), удерживает Владисана от убийства Пламиры.

Текстуальное сопоставление «Ольги» с «Владисаном» показывает, что «Ольга» в «Владисане» была использована не по памяти, а так же, как и майковский перевод «Меропы»: при переработке «Ольги» во «Владисана» драматург непосредственно пользовался рукописью «Ольги». И всё же текстуальных совпадений в тексте обеих трагедий немного.

В первом действии (стих 354) Ольга говорит Малу:

Земля нам будет трон, а слезы только пища;

в первом же действии «Владисана» (стих 31) Пламира говорит Зениде:

Сей гроб мой будет трон, а слезы только пища.

В пятом действии, близ гробницы Игоря, Ольга говорит (стихи 17—18):

*В очах сих помрачу лучи несносна света,
И сим кинжалом я свои окончу лета.*

В трагедии «Владисан» (III, 3) Пламира, также близ гроба своего мужа, говорит:

Я с жизнью сей рукой окончу грусть безмерну;

В сцене драматического поединка Мала со Святославом (IV, 2) первый говорит:

О дерзкий! юностью, безумством ослепленный...

В аналогичном поединке Витозара с Велькаром («Владисан», д. V, явл. 2) первый говорит:

Младенец, юностью, безумством ослеплен.

¹⁵ Избар — имя, фигурирующее в «Ольге» в качестве вымышленного (для Святослава) имени Волода. Ср. акт II, стих 154; акт III, стих 140.

Приведенные нами дословные совпадения в текстах обеих трагедий сами по себе незначительны. Однако идентичность их драматургических функций делает доказательность их неопровержимой.

Таким образом, факт написания «Ольги» до «Владисана» не может подвергаться никакому сомнению.

Главной причиной неопубликования «Ольги» следует считать не появление трагедии Козельского, а просветление сознания Княжнина и находящееся в непосредственной связи с этим изменение его отношения к своему литературному труду. В 1777 году Княжнин уже возобновил свою литературную деятельность, а поэтому время создания «Ольги» должно быть отнесено к 1775—1776 годам. Малая зависимость «Владисана» даже от «Ольги» лучше всего показывает, какие требования предъявлял к себе Княжнин в нормальных условиях.¹⁶

V

Нам не известны полностью причины конфликта между Княжнинным и начинавшим тогда свою литературную деятельность Крыловым. Точно даже не известно и время начала этого конфликта: 1786 или 1787 год. Но едва ли можно сомневаться в том, что Крылову стал известен факт существования «Ольги» и был понятен ее глубоко унижительной для Княжнина смысл. Крылов неоднократно и крайне резко обвинял Княжнина в литературных хищениях — в комедии-памфлете «Проказники», в «Почте духов», в памфлете «Покаяние сочинителя Крадуна» (1792). Категорический тон Крылова и его явное презрение к Княжнину без «Ольги» объяснены быть не могут.

В свете сказанного приобретают особую значительность слова Крылова в 46-м письме «Почты духов» о том, что «переводчик и сочинитель не есть одно» и что «переведенное сочинение назвать своим» — дурно.¹⁷ Все это говорится по поводу трагедии Княжнина «Владисан», имеющей, как было сказано, прямое отношение к «Ольге». А в памфлете «Покаяние сочинителя Крадуна» Крылов идет еще дальше и прямо говорит о хищениях Княжнинным из сочинений вышеупомянутого В. И. Майкова.¹⁸

Следовательно, для правильного понимания поступков и произведений молодого Крылова изучение «Ольги» весьма важно.

1936—1956

¹⁶ Со времени работ М. О. Габель и Н. К. Гудзия ничего существенного о произведении Княжнина сказано не было. Л. И. Кулакова почему-то называет трагедию Княжнина незаконченной, отнеся ее к 1790 году (История русской литературы, т. IV. М.—Л., 1947, стр. 228; Л. И. Кулакова. Я. Б. Княжнин. Л., 1951, стр. 90).

¹⁷ И. А. Крылов, Полн. собр. соч., т. I, М., 1945, стр. 263.

¹⁸ Там же, стр. 434. Речь идет о комической поэме Майкова «Елисей или Раздраженный Вахк».